

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-4-15
УДК 355

«ОКОПНАЯ РИТОРИКА» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ: О ЧЕМ ГОВОРИЛИ И ПИСАЛИ НА ВОЙНЕ

Ефремов О.Ю., Зверев С.Э.

Цель. *Материалы статьи преследуют цель привлечь внимание к содержанию речевой деятельности участников Великой Отечественной войны: солдат и офицеров, выполнявших самую трудную задачу – непосредственного уничтожения противника на поле боя.*

Метод или методология проведения работы. *Статья основывается на анализе эпистолярного наследия и разговорных жанров общественной речи фронтовиков.*

Результаты. *Выявлено, что в межличностном и социально ориентированном общении советских военнослужащих имело место концептуальное различие, зависящее от целого комплекса обстоятельств, объективных и субъективных условий существования человека на войне. Обстановка на фронте, характер боевых действий наряду с возрастом, партийностью, достигнутыми боевыми успехами фронтовиков – все это накладывало отпечаток на восприятие ими происходящего и отражалось в речи.*

Область применения результатов. *Исследование позволяет оценить степень воздействия военно-политической пропаганды (в частности, ее направленности в первый период войны на воспитание ненависти к захватчикам) на документальном материале позволяет почувствовать, что подвиг советского народа был подвигом прежде всего нравственным.*

Ключевые слова: *общественная речь; риторика; социально-значимая речь.*

THE «BATTLE RHETORIC OF» THE GREAT PATRIOTIC WAR: WHAT WAS SAID AND WRITTEN IN THE WAR

Efremov O.Ju., Zverev S.Je.

Purpose. *The article aims to draw attention to the content of the speech activity of the participants of the great Patriotic war: soldiers and officers who performed the most difficult task – to direct destruction of the enemy on the battlefield.*

Methodology. *The article is based on the analysis of the epistolary heritage and spoken genres of public speech of soldiers.*

Results. *Revealed that interpersonal and socio-oriented communication of the Soviet troops was a conceptual distinction that depends on a whole complex of circumstances, objective and subjective conditions of human existence in the war. The situation at the front, the fighting along with age, partisanship, achieved military successes of soldiers – all these have left their mark on their perception of what is happening and is reflected in the speech.*

Practical implications. *The study allows us to estimate the impact of military-political propaganda (in particular, its orientation in the first period of war on the education of hatred for the invaders) on documentary material lets you feel that the feat of the Soviet people was a feat primarily moral.*

Keywords: *public speech; rhetoric; social and significant speech.*

Введение

Широко отмечая 70-летие великой Победы, за множеством торжественных речей и научных исследований о значении этого события, определившего судьбы человечества в XX в. и продолжающем во многом определять их в новом тысячелетии, на наш взгляд, нельзя не предоставить слово самим труженикам войны. Их слово, – как оселок, на котором правится история – лучше любых административных мер охранит и передаст правду о тех великих событиях. В этом слове ощущается истинная жизнь народа на войне.

Конечно, описывать жизнь народную – дело писателей, и мы ни в коем случае не хотим вторгнуться в область художественной литературы. Попытаемся только схватить наиболее общие черты, свойственные солдатской разговорной речи и эпистолярному наследию участников Великой Отечественной войны.

Материалы исследования

Как говорили люди на войне? Если начать с самого главного военного события – с боя, то получится, что в коротких репликах, обрывочных фразах и командах передавалось все напряжение и ожесточение человеческой психики, нацеленной на одно – выжить самому и убить врага, стремящегося отнять прежде всего твою жизнь, и уже потом жизнь тех, кого ты прикрывал грудью на передовой позиции – тех стариков, женщин и детей, о которых справедливо и правильно говорили тебе командиры и политработники до боя. Все это отчетливо звучит, например, в рассказе минометчика 172-й стрелковой дивизии рядового Я.В. Харченко о боях

в конце знаменитой севастопольской эпопеи: «Мы вели бой неподалеку от берега моря. Наша небольшая группа оказалась в окружении. Мой сосед – моряк заколол фашиста, захватил его автомат и передал мне. Началась новая атака. Моряк крикнул мне: «Батя, бей сам и считай, сколько уложу я!» При каждом выстреле он говорил: «Есть гад!» Я насчитал, что мы уже ухлопали 19 фашистов. А к нам приближались танки и группа автоматчиков. Моряк приказал мне оттащить в укрытие нашего раненого бойца, а сам стал поджидать танк. Тут же я вернулся, и мы начали вести огонь по наступающим. Фашисты заметались, а танк стал немного сворачивать в сторону. Моряк сказал: «Все равно уничтожу тебя, гад!» – и перебежками от воронки к воронке побежал наперерез машине. Когда я, отбившись от наседавших врагов с другой стороны, оглянулся, танк уже горел...». [8, с. 173].

Заметим, что в коротких репликах неизвестного героя, наполненных самой распространенной фронтовой инвективой, не слышно никакой ненависти к фашистам, немцам и т.п., но гнева, злобы и ожесточения хватит на десять митинговых речей политработников.

В обороне, когда время позволяло, эти чувства могли выливаться в очень оригинальный жанр письма-инвективы, происходящего от древнейшего жанра военной речи – жанра боевого вызова. В годы войны эти письма как правило стилизовались под известные образцы народного остроумия, например, под письмо запорожцев турецкому султану.

Так, известна стилизация под указанное письмо, написанное защитниками Одессы румынскому главнокомандующему маршалу И. Антонеску, в котором одесситы со свойственным им остроумием сообщали: «Не тебе с дурною головою выступать против нас войною. Огнем и мечом расправимся с тобою... Запомни, что наша Одесса, как и вся Украина, будет только советской, а не твоей, боярской. Об этом ты, фашистский холуй, и Гитлеру отрапортуй» [5, с. 122]. Вполне возможно, что этим армейским фольклором было навеяно аналогичное послание защитников п-ова Ханко барону Маннергейму, авторство которого принадлежало поэту М. Дудину. Боевой комсомольский задор вкупе с безапелляционностью суждений, свойственной молодости, так и брызжет со страниц этого письма.

На фортах и береговых батареях Севастополя, в окопах Сталинграда, землянках блокадного ленинградского фронта в тяжелейших 1941-1942 гг. «разговаривали не о мировых проблемах, как пишут сейчас часто в книжках о героях и как показывают их в кино, нет, – вспоминал 18-летний пехотинец Г. Егоров о боях в Сталинграде. – Мы говорили не газетными фразами о защите Родины, не о том, как утром в предстоящем бою всем дружно встать, сломить врага и погнать его... до Берлина. Нет. Мы об этом не говорили. У нас интересы были мельче и проще. Ротные интересы. Мы говорили о том, что старшина, такой-сякой, зажил на наши фронтовые

сто грамм, что повар кормит раз в день и то половину роты, поэтому мог бы готовить посытнее и повкуснее. Судачили мы и о том, что до чего же живуч человек» [3, с. 102].

Разговор на простые житейские темы был совершенно необходим для поддержания стабильности психики. Солдатское общение было поэтому, как можно судить, в основном фатическим. О войне на войне старались не говорить – это общий вывод, который можно сделать, анализируя содержание окопной «риторики». Войны хватало вокруг и без того.

Неизжитые боевые впечатления еще прорывались в разговорах, которые велись с госпитальных коек, но и тут преобладал скорее эмоциональный выплеск; характерно, что велись они на языке, *не называвшем реальные понятия*, которые могли своими языковыми образами вызвать у окружающих собственные травмирующие воспоминания. «Наш лексикон, на котором ведутся рассказы, – свидетельствовал Ю.М. Сагалович, – всего на пять-шесть слов богаче, чем язык, предложенный Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя», и состоявшего, как мы помним, из одного весьма короткого и односложного слова... Типичная фраза: «Слышу, б.., летят. Ну я, б.., думаю, он – х..к, х..к – и все. Потом как е..л! Ну, б..!» – всем все было понятно» [13, с. 24].

Это, пожалуй, единственный случай, когда можно сказать, что мат выполнял *терапевтическую* функцию. Ведь в приведенном разговоре не прозвучало ни одного названия образцов вражеской техники, ни одного вражеского имени, ни одного действия врага, даже переданного эвфемизмом. Но психотерапевтическая беседа, фактически, удалась; рассказ о травмирующем событии состоялся, а значит оно не получило шансов перерасти в боевую психическую травму. Эмоциональной разрядке мат служил и на передовой. «Вообще-то тяжело на войне без крепкого словца, – это простодушное признание из дневника старшего сержанта В.И. Ермоленко. – Особенно нередко они вырываются в адрес фрица. Загнешь иногда в три царства и три государства, и в центр мирового равновесия, и на душе сразу станет легче» [6, с. 38].

В воспоминаниях фронтовиков о разговорах на войне встречаются порой и совершенно ремарковские мотивы. «В часы, когда над фронтом нависает тишина... на нашем НП разгораются острые дискуссии, иногда на темы глобальные. Например, почему затянулась мировая социалистическая революция, свершится ли когда-нибудь мечта Циолковского о ракетоплавании к планетам. Чаще всего спор идет ради шутки, о какой-нибудь глупости, вроде того испытывают ли вши страх при артобстреле», – это наблюдения Н.П. Короткова [7, с. 61].

В относительно спокойные периоды времени надо было дать пищу уму, но и то, скорее чтобы *занять* его чем-то, что не заставляло бы бесконечно прокручивать в памяти пережитое и не слишком задумываться о будущем. Чтение всего и вся при огромном дефиците и востребованности литературы и *дискуссии* были тоже формой ухода от жестокой реальности войны, в этом

убеждает то, что споры велись на не очень серьезные, можно сказать, легкие темы, которые скорее служили средством релаксации, небольшого соревнования в остроумии, разряжавшем атмосферу общения. «Пережитое казалось важным, актуальным, хотелось рассказать о нем близкому, – подтверждает наши соображения Н.Н. Никулин. – Однако у ближнего у самого был ворох подобных переживаний. Скоро все это поняли и заткнулись. А если кто-нибудь заводил фронтовые воспоминания, ему говорили: «Давай лучше о бабах!» [9, с. 82].

Эта тема служила и служит безотказно не одному поколению военных людей. Старший сержант В.И. Ермоленко писал в дневнике 19 ноября 1944 г.: «В обороне время ползет, как черепаха, становится нудно... Каждый день с утра до вечера проходят занятия. Только после их окончания можно поговорить, спеть, покалякать о женской половине. Что ж, солдат хоть языком потреплет, и то легче станет» [6, с. 89].

Тема женщин занимала видное место не только в солдатских разговорах, но и во фронтовой корреспонденции. Некоторые письма наполняли мучительные переживания на тему верности оставленных дома жен и подруг; письма открывают исследователю маленькие трагедии семьи и личности, которые выплескивались и в разговорах. «Замечательная вещь, оказывается, – народная примета, – это строки из письма жене капитана А.В. Белопольского. – Недавно мне старшина говорит: «Як хотите, тов. капитан, а вам жена изменяет». «Это почему ты знаешь», – спрашиваю. – «А як вы курите, то все у вас папироска с одного бока горит. Это верна примета» [1, с. 124]. Примета, к несчастью, оказалась верной.

При анализе содержания писем с фронта и на фронт надо постоянно иметь в виду деятельность военной цензуры, о чем солдаты и офицеры были прекрасно осведомлены, а потому в искренности чувств в строках солдатских треугольников сейчас можно быть уверенным, пожалуй, только когда речь шла о предмете относительно безопасном: выражении ненависти к врагу, боевом счете, семейных делах и заботах. «Письма фронтовиков удручают некоторых цензоров своим однообразием, – доверял дневнику жалобы военных цензоров Вс. Вишневецкий. – В общем, письма делятся на четыре категории: 1) приветы и пожелания: «Дорогой боец (сын, брат муж) бей фрицев!»; 2) «Я жив-здоров... и т.д.»; 3) жалобы на трудности быта в тылу; 4) письма «ревнивые» (что цензоров порой интересуется, оживляет)» [2, с. 168].

Наиболее патриотичные письма из первой категории регулярно публиковались в советских газетах, а потому формировали в общественном сознании норму речевого поведения, которая затем воспроизводилась в конкретных посланиях с фронта и на фронт, особенно в письмах *коллективных* или принадлежавших перу Героев, орденосцев, *общественников*, партийных и комсомольских активистов и активисток и детей.

В этом случае письма писались, конечно, «как положено» в социально-ориентированном общении, складываясь из цитирований вождя, главпуровских лозунгов и газетных передовиц, характерных для определенного периода войны, как например, письмо группы бойцов, командиров и политработников ЮЗФ землякам – трудящимся Тамбовской области.

«Товарищи рабочие [и] работницы, колхозники и колхозницы, ИТР¹ и служащие, и трудовая интеллигенция Тамбовской области! Передаем вам свой боевой красноармейский новогодний привет от бойцов, командиров и политработников Юго-Западного фронта.

Товарищи трудящиеся Тамбовской области, мы вас благодарим за вашу заботу, за ваши новогодние подарки. Мы уверены в том, что наш тыл крепкий – также, как и наш фронт.

Товарищи, мы заверяем вас, что 1942 год – год уничтожения немецких захватчиков, которые так называются двуногие звери, будут полностью уничтожены на нашей территории. Не дадим фашистским гадам выйти из нашей территории. Если они хотели получить истребительную войну, то они ее получают. Под руководством нашей любимой партии и вождя народов и наркома обороны Иосифа Виссарионовича Сталина мы победим.

Мы уверены, что и в дальнейшем будем держать крепкую связь с вами, дорогие товарищи. И заверяем вас, что будем уничтожать фашистов из грабь-армии. Заверяем, что смерть фашисты найдут на советской земле, как нашли горе-вояки Наполеона.

Вперед к полному уничтожению фашистской коричневой чумы! Смерть фашистским оккупантам! Да здравствует 1942 боевой год! Да здравствует Коммунистическая партия большевиков и ее вождь и учитель т. Сталин!»² [11, с. 79].

Датировка письма легко прочитывается из сочетания выражений из речи вождя от 3 июля и выступления перед трудящимися г. Москвы 6 ноября, лексики образца 1941 г. и установок на разгром немецко-фашистских захватчиков из январских лозунгов 1942 года.

Письма заслуженных, неоднократно награжденных бойцов и командиров, руками которых делалась война, дышат воинской гордостью людей, познавших радость победы над врагом и горечь утрат боевых товарищей, достоинством, суровостью и требовательностью даже к близким. В них нередко встречаются рассказы о собственных подвигах и боевой работе сослуживцев, данные об истребленном противнике и обещания приложить все силы для того, чтобы уничтожить всю «фашистскую мразь» подчистую.

«Смерть немецким оккупантам! Привет с фронта!

Здравствуйтесь, дорогие односельчане-комсомольцы... Комсомольская организация нашего подразделения прошла от самого Сталинграда до берлоги зверя. Наши комсомольцы герои-

---

¹ Инженерно-технические работники.

² Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

чески дерутся на полях сражения. Десятки героев-комсомольцев вышло из нашего подразделения, сотни орденосцев. Мы никогда не забудем героя нашей части Анатолия Шивова, который в боях за Н. повторил подвиг Ал[ексан]дра Матросова, Ивана Пятак, который подорвал сам себя и вместе с тем гитлеровцев. Мы чтим этих товарищей. Мы, комсомольцы, давали клятву перед павшими героями...

И я ее выполнял. В боях на реке Молочной³⁶⁸, пройдя в тыл противника, застрелил немецкого шофера и доставил машину в штаб вместе с пушкой в свое подразделение, за что был награжден орденом «Красное Знамя». В боях за советскую Украину у села Б. прошел в тыл противника с группой автоматчиков, уничтожили 27 солдат противника, тем самым обеспечили выполнение боевой задачи, за что был награжден «Красной Зв[ездой]». В боях за город Т., штурмуя дом противника, первым ворвался в него и уничтожил 7 фашистов, 2 пленил, за что был награжден «Слава III ст[епени]». ... Пишите ответ. Сообщайте, как вы, комсомольцы, в тылу добываете победу» [11, с. 455-456].

Но основную массу эпистолярного наследия фронтовиков составляют письма людей, для которых война была прежде всего препятствием к привычной мирной семейной жизни, о которой были все их помыслы. Относительное однообразие писем второй категории с характерным для них вниманием к бытовым деталям, может объясняться, как это проделано в воспоминаниях И.Ф. Денисова: «Хотелось так много всего рассказать, но от долгой жизни под землей в постоянном напряжении (изолированный от мира, как крот) в голове все мысли переворачиваются, да и не обо всем можно писать. И получается, что пишешь как всегда: «Дорогая семья, я жив, здоров, все нормально...» – и подпись: «Денисов». И все равно стало легче на душе после написания письма, как будто увиделся с родными и поговорил» [4, с. 58].

Немалую долю писем с фронта составляли обращения в местные органы власти с просьбой оказать помощь семье, позаботиться об оставленных в тылу домашних, помочь с обустройством эвакуированных, участь которых была особенно тяжела. В этих письмах также встречалось немного наивное «козыряние» заслугами и наградами, но совсем не в таком ключе, как в письмах Героев из первой категории. В этих посланиях о наградах речь шла с чуть ли не извинительной интонацией, с какой русский человек всегда обращался по личному делу к «начальству»; скорее как о «праве на льготы», нежели о предмете гордости.

«Привет с фронта!

Я,.. был взят по мобилизации в ВВС КБФ³ на защиту г[орода] Ленина и всей страны. Пережил много трудностей, был в блокаде. Несколько месяцев получал по 300 грамм хлеба в сутки,

³ Военно-воздушные силы Краснознаменного Балтийского флота.

и все же город Ленинград отстояли, и теперь Вы сами слышите, какие творятся чудеса на нашем фронте, за что я имею правительственную награду.

У меня осталась семья при Жердевском сах[арном] заводе: жена, трое детей и мать. Жена больна воспалением легких, дети малые, а мать старая, нетрудоспособная. Живут в очень плохом состоянии. Хлеба не получают, топлива нет. Я прошу Вас поговорить и помочь моей семье, так что я им отсюда помочь ничем не могу. Еще раз прошу Вас: помогите моей семье, а я еще лучше и героически буду бить проклятого врага» [11, с. 466].

Написание писем было и очень важной формой организации солдатского досуга, тем более, что переписывались некоторые чересчур смекалистые защитники отечества чуть не с половиной женского населения СССР, как например бесшабашный казак Г.Т. Лобас, оставивший такую запись в дневнике: «13 декабря [1944 г.]. Сегодня много писем получил со всего Советского Союза. Я в газету писал что я сирота ни от кого писем не получаю Так сегодня 18 шт. получил. Некоторые прыгодные на курево⁴» [14, с. 388].

Но такое «развлечение» в письмах третьей категории оказалось доступным только во втором периоде войны, когда чаша весов уже явственно склонялась на нашу сторону, потери относительно уменьшились, а народ приобвыкся на войне. Оказались даже востребованными умельцы, владевшие основами литературного стиля. К таким, как Г.А. Калиняк, однополчане наведывались не с пустыми руками, а с фронтовой «валютой» – махоркой, чтобы тот помог им написать разукрашенное различными наивными «красивостями» письмо на родину.

Отдельной строкой надо упомянуть о том, какими словами люди прощались с теми, кого уже не надеялись увидеть. Мы имеем в виду записки в печально известных «смертных» медальонах. По наблюдению за заполнением этих записок весной 1942 г. бойцами подразделения А.З. Чулкова, этот жанр выражал квинтэссенцию того, чем жил и о чем думал человек при жизни: «Один боец написал: «Погиб за Родину, за Сталина. Отомстите за меня фашистам». Другой: «Милая Галочка, прощай, желаю тебе полного счастья. Прости, если делал что-то не так, что обижал. Теперь жалею об этом. Люблю, как всегда». Третий кроме адреса ничего не написал, только выругался» [10, с. 376].

Своеобразным «реализмом» были проникнуты письма на родину об обстоятельствах гибели военнослужащих. Они очень часто содержали такие подробности, которые избалованному психологизмом сознанию современного человека показались бы кошмарными.

«Фронтовой привет тебе, дорогая девушка! Только что получил твое письмо, прочитал – грусть, великая грусть обливает сердце. Да, не стало Ивана. Очень и очень скромные остатки

⁴ Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

его тела – кисть руки и еще [нрзб] похоронены на опушке роши на время. Убило его рано утром перед началом боя прямым попаданием крупнокалиберного снаряда. После той трагической минуты его только что померкнувшую жизнь можно было определить по кусочку комсомольского билета, ложке и клочкам фуфайки. Большого собрать ничего не удалось. Погиб он рядом с блиндажом – только что вышел получать завтрак, и в это время заклый снаряд немца [пре-рвал] его еще молодую жизнь. Дорогая девушка, я прошу Вас много не печалиться, мы крепко отомстим за смерть Ивана» [11, с. 162].

Стоит заметить, что реалистичное описание смерти служило лучшим уверением адресата в том, что адресант действительно был свидетелем печального события. В этом заключалось своеобразное суровое милосердие: адресат освобождался от иллюзий и обязанности «ждать», до последнего надеясь на ошибку в «похоронке», следуя призыву широко известного стихотворения К. Симонова.

Более или менее серьезные разговоры были в ходу только в периоды длительного затишья и долговременной стабилизации фронта. Такие условия складывались в годы войны, пожалуй, в Заполярье и на отдельных участках Ленинградского фронта, замершего в относительной неподвижности до лета 1944 года. Поэтому связист О.А. Рябов и записывал в дневнике даже в октябре кровавого 1942 г.: «Жизнь идет в разговорах, особенно по вечерам, обсуждается все: начиная от классической литературы и кончая вторым фронтом» [12, с. 82]. Связисты – не стрелки, а все ж специальные войска, солдаты которых всегда отличались более высоким уровнем образования и культурного развития.

Но и в пехоте любили и умели развлекаться. «У Игоря Масалова (пехотный офицер, друг Рябова. – авт.), – это уже запись 28 июля 1943 г. – в части есть молоденький фриц, его для агитации держат: он был солдатом, под Демянском попал в плен, по-русски не говорит; механик, с которым Кайзер (так зовут фрица) пилит дрова и выполняет всякие работы, обучает этого культурного немца русскому мату» [там же, с. 133]. Далее автор уморительно передавал свои впечатления от того, как немец в промежутках между интеллигентными разговорами на родном языке о Ницше и прочих немецких философах с образованным командиром роты, увлеченно крыл трехэтажным матом, отмахиваясь от свирепых болотных комаров.

На серьезные темы говорили в глубоком тылу, например, курсанты военных училищ, обладавшие кругозором, немного отличным от кругозора рядового бойца. Случалось, обсуждали и власть, и командиров, причем обсуждали достаточно свободно, особенно в те времена, когда у власти хватало собственных, более насущных забот, чтобы фиксировать все разговоры тех, кому через пару месяцев предстояло с оружием в руках эту власть защищать.

Вот какие мнения высказывались, например, по поводу ноябрьского приказа И.В. Сталина курсантами 2-го Ленинградского артиллерийского училища: «12 ноября 1942 г. Курсант Шоронин... сделал такой вывод:

– Будет и на нашей улице праздник! Сталин – оптимист, верит в нашу победу, даже если затянется открытие второго фронта в Европе. Конечно, может он и в прошлом настряпал немало ошибок, может и теперь их стряпает, но хорошо что именно он, такой твердый мужик, стоит в настоящее время во главе. С другим давно бы скукожились бы...» [7, с. 69].

В этом незамысловатом высказывании нет и следа довоенного официального социального пафоса. Можно было бы себе представить реакцию окружающих на крамольные слова году в 37-м. Об ошибках вождя открыто говорили в 1944 г. и офицеры-сослуживцы Н.П. Короткова; да и сам он, вступая в партию, записывал 7 февраля 1944 г.: «...я вовсе не собираюсь давать клятву верности всем без исключения ее вождям, из которых отдельные могут не украшать партию» [там же, с. 100].

Мы видим, что в годы войны признавались и ставились в заслугу вождю только его *личные* качества, а все величие, мудрость, непогрешимость «маршала коммунистического движения всего человечества» оставались невостребованными советским народом, от лица которого говорил скромный курсант Шоронин, как незаметно переставало быть востребованным само упомянутое движение.

Никаких упоминаний о них мы не найдем и в застольных речах и тостах славных артиллеристов, справлявших в 1944 году на наблюдательном пункте Первомай.

«– Всем нам нужна победа. Но победа сама не придет. Чтобы разгромить врага нам, артиллеристам надо иметь орудия, умение и мужество. Есть еще одно оружие в нашем фронтовом арсенале – это фронтовая дружба, которая отличается беспощадной взаимной требовательностью и самоотверженной взаимной выручкой. И если кто-нибудь из нас прикидывался бы нашим единомышленником, но в трудную минуту оказался бы не верным законам дружбы, это было бы опаснее, чем открытый враг... Успех нашей борьбы будет тем больше, чем крепче будет наше единство, в основе которого лежит принцип, выраженный в известной русской поговорке: один за всех, все за одного. ...Итак, за нерушимую, крепкую как сталь фронтовую дружбу!

Затем я предложил каждому дополнить мой тост одной фразой. Получились такие дополнения:

– За то, чтоб отомстить фашистам за кровь и слезы наших людей!

- За взятие Берлина!
- За верных невест, умеющих нас ждать!
- За то, чтоб жены не изменяли!
- За урожай, чтобы люди не голодали!
- За колхозных трактористов!
- За то, чтоб родители дожили до победы, чтоб встретиться с ними!
- За счастье моего сына Димки!
- За мою Марию Ивановну!
- Чтоб Гитлера захватить живым и водить его по миру на веревке как бешеную собаку!»

[там же, с. 121].

Результаты исследования и их обсуждение

Как видим, не единственно верное, а потому якобы и всесильное марксистко-ленинское учение рассматривалось после трех лет войны залогом *всех наших побед*, а *крепкая как сталь фронтовая дружба*. И не враги, извращающие основы этого учения, представляли угрозу человеческому существованию, а враги, наносящие ущерб солидарности и единению. Ни в одном тосте не прозвучало и намек на социальные ценности; солдаты и офицеры говорили о простых и понятных каждому *человеческих* ценностях: хорошей жизни, здоровье родителей, счастье детей, верности жен и о воздаянии врагам. Но не было слышно в них ненависти к противнику, ненависти, являвшейся прямой наследницей ненависти классовой, которой четверть века жил и питался социальный пафос советской общественной речи. Это значило, что **нравственное сознание народа в годы войны практически изжило бациллу нравственности классовой**, злая прививка которой в годы Гражданской войны и в период предвоенных репрессий едва не привела его к гибели.

Заключение

Такое значительное и сложное общественно-политическое явление, которым стала для нашего народа Великая Отечественная война, воспринималось народной толщей весьма многогранно; это отношение ярко проявлялось в общественной речи. И для того чтобы составить ясное *историческое* представление о войне следует воспринимать ее не только по мемуарам советских полководцев, архивным документам и газетным публикациям – необходимо тщательно изучать сами голоса живых людей, доносящиеся из фронтовых дневников, писем и фрагментов речей рядовых тружеников войны – всего того, что хоть и отражает незамысло-

ватую «кочку зрения», но передает ее искренне, открыто и непосредственно от первого лица. Такое восприятие далеких от нас событий является важным аспектом их осмысления и воспитания молодежи.

Список литературы

1. Белопольский А.В. Страницы дневника, письма. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2011. 150 с.
2. Вишневский В.В. Дневники военных лет. – М.: «Сов. Россия», 1974.
3. Говорят мертвые и живые: Солдатские дневники, письма и воспоминания. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1985. 656 с.
4. Денисов И.Ф. Дороги войны. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. 102 с.
5. Другая война. 1939-1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – СПб.: РГГУ, 1996.
6. Ермоленко В.И. Военный дневник старшего сержанта. – Белгород, 2000. 272 с.
7. Коротков Н.П. Превратности сороковых. Дневник. – Воронеж, 2004. 160 с.
8. Ласкин И.А. На пути к перелому. – М.: Воениздат, 1977.
9. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. – СПб: Изд-во Гос. эрмитажа, 2007. 244 с.
10. От солдата до генерала: Воспоминания о войне. Т. 2. – М.: Изд-во МАИ, 2003. 424 с.
11. Письма Великой Отечественной. – Тамбов, 2005.
12. Рябов О.А. Четыре с лишним года. Военный дневник. – М.: Астрель, 2012. 320 с.
13. Сагалович Ю.Л. Пятьдесят девять лет в подарок от войны. Воспоминания и размышления фронтовика – пулеметчика и разведчика, прошедшего через перипетии века. – М., 2004. 204 с.
14. Скрытые лики войны: Документы, воспоминания, дневники. – М.: Воениздат, 2003. 446 с.

References

1. Belopol'skij A.V. *Stranicy dnevnika, pis'ma* [Diary pages, letters]. – Voronezh: Fakul'tet zhurnalistiki VGU, 2011. 150 p.
2. Vishnevskij V.V. *Dnevniky voennyh let* [Diaries of the war years]. – Moscow: «Sov. Rossija» Publ., 1974.
3. *Govorjat mertvye i zhivye: Soldatskie dnevniki, pis'ma i vospominanija* [They say dead and alive: the Soldier's diaries, letters and memoirs]. – Barnaul: Alt. kn. Publ., 1985. 656 p.

4. Denisov I.F. *Dorogi vojny* [Roads of war]. – Volgograd: VolGU Publ., 2008. 102 p.
5. *Drugaja vojna. 1939-1945* [Another war. 1939-1945] / Pod obshh. red. Ju.N. Afanas'eva. – St. Petersburg: RGGU Publ., 1996.
6. Ermolenko V.I. *Voennyj dnevnik starshego serzhanta* [War diary of Sergeant]. – Belgorod, 2000. 272 p.
7. Korotkov N.P. *Prevratnosti sorokovyh. Dnevnik* [The vicissitudes of the forties. Diary]. – Voronezh, 2004. 160 p.
8. Laskin I. A. *Na puti k perelomu* [On the way to fracture]. – Moscow: Voenizdat Publ., 1977.
9. Nikulin N.N. *Vospominaniya o vojne* [Memories of the war]. – St. Petersburg: Gos. Jermitazh Publ., 2007. 244 p.
10. *Ot soldata do generala: Vospominaniya o vojne* [From soldiers to generals: war Memories]. Vol. 2. – Moscow: MAI Publ., 2003. 424 p.
11. *Pis'ma Velikoj Otechestvennoj* [Letters Of The Great Patriotic War]. – Tambov, 2005.
12. Rjabov O.A. *Chetyre s lishnim goda. Voennyj dnevnik* [More than four years. War diary]. – Moscow: Astrel' Publ., 2012. 320 p.
13. Sagalovich Ju.L. *Pjat'desjat devjat' let v podarok ot vojny. Vospominaniya i razmyshleniya frontovika – pulemetchika i razvedchika, proshedshego cherez peripetii veka* [Fifty-nine years as a gift from the war. Memories and reflections of a veteran – heavy and the scout, passed through the vicissitudes of a century]. – Moscow, 2004. 204 p.
14. *Skrytye liki vojny: Dokumenty, vospominaniya, dnevniki* [The hidden faces of war: Documents, memoirs, diaries]. – Moscow: Voenizdat Publ., 2003. 446 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Ефремов Олег Юрьевич, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, доктор педагогических наук, профессор

Военная академия связи

Тихорецкий проспект, д. 3, Санкт-Петербург, 194064, Россия.

e-mail: oe64@rambler.ru

Зверев Сергей Эдуардович, профессор кафедры организации и методики образовательного процесса, кандидат педагогических наук, доцент

Военный учебно-научный центр Военно-морского флота

Ушаковская наб., д. 17/1, Санкт-Петербург, 197045, Россия

e-mail: ser86979392@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Efremov Oleg Jurevich, head of the chair of humanitarian and socio-economic disciplines, Doctor of Pedagogical Science, professor

Military Academy of communications

Tikhoretsky Ave., 3, St. Petersburg, 194064, Russia

e-mail: oe64@rambler.ru

Zverev Sergej Jeduardovich, assistant of professor of chair of the process of education, Ph.D. in Pedagogical Science

Navy Science and Education Center

17/1, Ushakovskaya embankment, Saint-Petersburg, 197045, Russia

e-mail: ser86979392@yandex.ru